Л. Г. ЛАХУТИ

Лахути Лейли Гасемовна
научный сотрудник, Лаборатория востоковедения,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: lahuty@gmail.com

ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ И УПОВАНИЕ: ЗАКОНОВЕД СУФЙАН САУРИ И СУФИЙ-ВОИН ШАКИК БАЛХИ

Аннотация. Дан филологический перевод двух житий из агиографической антологии Фарид ад-Дина ʻАттара «Поминание друзей Божиих», призванной продемонстрировать многообразие путей приближения к Богу. Герой первого из этих житий — Суфйан Саури, основатель одной из ранних мусульманских правоведческих школ, передатчик хадисов и толкователь Корана. Его житие фокусируется на присущей ему добродетели «щепетильной осмотрительности» (*vara*ʻ), благодаря которой он, как утверждает житие, после смерти был принят в рай. В других житиях книги ʻАттара он упоминается как посетитель знаменитых мистиков, которые преподают ему духовные уроки. Второе житие — житие известного подвижника и теоретика суфизма Шакика Балхи — концентрируется на абсолютном уповании на Бога (*tavakkul*), которое Шакик бескомпромиссно проявлял в жизни. Так же как и Суфйан Саури, Шакик Балхи был плодовитым автором, но, в отличие от него, ученые занятия и проповедническую деятельность совмещал с участием в религиозных войнах.

Ключевые слова: суфийская агиография, ʻАттар, Суфйан Саури, Шакик Балхи

Суфйан Саури (97/716–161/778), подвижник, богослов, передатчик хадисов и толкователь Корана, был одним из основателей мусульманского права наряду с Абу Ханифой, Шафиʻи и Ашʻари. Правовая система, разработанная Суфйаном Саури, продолжала действовать несколько веков после его смерти.

Более 30 лет Суфйан Саури провел в путешествиях, во время которых занимался передачей хадисов в Хорасане, Хиджазе и Басре. В Куфе он об-

© Л. Г. ЛАХУТИ

щался с представителями му‘тазилитов, оказавшими на него влияние как в богословских и правоведческих, так и в политических вопросах. Занимая проомейядскую и, соответственно, антиаббасидскую позицию, при втором аббасидском халифе Мансуре (правил в 754–775) он подвергался гонениям и неоднократно — опасности ареста[1]. Возможно, эти обстоятельства преломились в истории о Суфйане Саури и халифе, приведенной у ‘Аттара (см. далее).

В приводимом здесь житии Суфйан предстает главным образом как проявляющий «щепетильную осмотрительность» (*vara‘*)[2], которая была одним из важных понятий для подвижников и теоретиков суфизма. Так, современник Суфйана Саури, Харис Мухасиби[3], называет два вида осмотрительности, обязательные для всех мусульман, и два вида — рекомендованные. Первые два — отвращаться от всего, запрещенного Богом, и не брать и не предпринимать ничего незаконного; другие два — избегать всего сомнительного[4] и того, что, будучи само по себе законным, может иметь последствием нечто незаконное. В XI в. Мухаммад Газали назовет последние два вида осмотрительности соответственно осмотрительностью праведных (*ṣāliḥūn*) и осмотрительностью боящихся Бога (*muttaqūn*); именно они показаны в житии Суфйана Саури. Следующий, высший уровень, по Газали, — отвращаться от всего, что не связано с Богом, чтобы не потратить ни одного мига жизни на то, что не увеличивает близости к Богу [EI², ст. «Wara‘» (D. Urvoy)]. Этот уровень осмотрительности в данном житии не раскрыт.

Важную роль в житии Суфйана также играет страх (*xawf*), проистекающий из неведения посмертной участи, — такой страх в значительной степени питает его осмотрительность.

С осмотрительностью также неразрывно связано отрешение от всего мирского — *zuhd*, что часто (хотя и не совсем точно) переводится как «аскеза». ‘Абдаллах Ансари пишет, что для «простых» осмотрительность — последняя, а для «избранных»[5] — первая ступень отрешения от мира (цит. по: [EI², ст. «Wara‘» (D. Urvoy)]).

Другой тип «друзей Божиих» представляет Шакик Балхи. В его жизнеописании, приводимом ниже, ‘Аттар в первую очередь раскрывает понятие *таваккул* — абсолютного упования на Бога. Шакик Балхи был одним

[1] Подробнее см.: [EI², ст. «Sufyān al-Thawrī» (H. P. Raddatz)], где упоминается, что халиф Мансур «тактически» предложил Суфйану пост судьи в Куфе. После отказа Суфйану пришлось бежать.

[2] В данной статье используется транслитерация, применяемая для персидских текстов (*vara‘*). В арабистической традиции слово транслитерируется как *wara‘*.

[3] См. о нем статью Е. Л. Никитенко в настоящем номере журнала.

[4] Сомнительное, или подозрительное (*šubuhat*, в ед. ч. *šubhat*), — вещи, не являющиеся с точки зрения исламского правоведения ни явно дозволенными, ни явно запретными.

[5] В данном контексте под «простыми» людьми (‘*āmm*) понимаются рядовые верующие, удовлетворяющиеся начальными, формальными предписаниями религиозного закона, а под «избранными» (*xāṣṣ*) — те, кто постигают тайные, «скрытые» смыслы.

из первых теоретиков учения о *таваккул* и стремился бескомпромиссно применять его в жизни, отказываясь от любых, даже законных, способов обеспечивать свое существование. При этом он отнюдь не был чисто «кабинетным» ученым: Шакик активно участвовал в джихаде — войнах против «неверных» тюрков Средней Азии, где тоже проявлял свое абсолютное упование. Погиб он в 195/810 г. во время военного похода в верховьях Амударьи (Джейхун). Эти особенности личности Шакика — «учителя суфийского пути» и участника джихада — ʻАттар отразил в хвалебной формуле «всадник-охранитель людей *тариката*», входящей во вступительную часть его жития. Подробнее о Шакике Балхи см.: [Кныш 2004: 39–41; Лахути 2015; Насыров 2009: 184–188].

ʻАттар также описывает, как и Суфйан Саури, и Шакик Балхи получают духовные уроки. В других главах антологии Суфйан посещает великих суфийских подвижников и ищет их наставлений. Раби‘а ʻАдавиййа усматривает в его занятиях хадисами пристрастие к земному миру [ʻAṭṭār 2007: 72], Ибрахим Адхам советует ему: «Тебе нужно немного уверенности, хотя знаний у тебя очень много» [Ibid: 97], а Фузайл ибн Ийаз поучает его, что уединение выше, чем самая благочестивая беседа [Ibid: 81]. Таким образом демонстрируется духовное превосходство пути этих «некнижных», но полностью предавших себя Богу мистиков над путем «знания» (ʻ*ilm*), которым идет Суфйан. В самом житии Суфйана таких сцен нет.

В житии Шакика можно видеть другую картину, также типичную для описания духовного пути подвижника: он получает уроки от тех, кто, казалось бы, стоит ниже его, — от простых людей и даже от иноверцев. Шакик смиренно принимает эти уроки, поясняя, что жемчужину, даже упавшую в отхожее место, следует поднять и отмыть.

Каждое из житий в книге ʻАттара раскрывает определенные грани многообразных путей духовной жизни «друзей Божиих». Для Суфйана Саури это «щепетильная осмотрительность», для Шакика Балхи — абсолютное упование на Бога.

Поминание Суфйана Саури (*да пребудет с ним милость Божия!*)[6]

Тот венец веры и верования, тот светоч аскезы и водительства, тот шейх и падишах для улемов[7], тот привратник чертога предшественников[8], тот полюс движения планет, имам вселенной Суфйан Саури (*да пребудет с ним милость Божия!*) был из великих мужей. Его называли повелителем правоверных и никогда не противоречили ему; он был истинно предстоятелем (*muqtadā*) и одобряемым

[6] Перевод по [ʻAṭṭār 2007: 193–200]. Курсивом здесь и далее выделены переводы арабских фрагментов.

[7] Улемы (*ʻulamā*, мн. ч. от *ʻālim* ‘знающий; ученый’) — общее название знатоков богословия, религиозного предания и этико-правовых норм ислама.

[8] Привратник чертога предшественников — по примечанию Эсте‘лами: Суфйан Саури, постигший учение мудрецов прошлого, «открывает к нему доступ», т. е. истолковывает его своим современникам [ʻAṭṭār 2007: 773].

(*ṣāḥib qabūl*). В науках внешних и внутренних[9] не было ему подобных. Он был из пятерки муджтахидов[10] и в осмотрительности (*vara‘*) и богобоязненности (*taqvā*) достиг высшего предела, и вежество и смирение его были велики. Он встречался со многими великими шейхами и от начала и до конца ни на крупицу не отклонился от начатого пути. Так, когда Ибрахим Адхам его позвал: «Приходи, мы послушаем от тебя хадисы», он сразу пришел. Ибрахим сказал: «Я хотел испытать его нрав».

Он родился от матери осмотрительным. Рассказывают, что его мать однажды поднялась на соседскую крышу и откусила кусочек какого-то соления. Он стал так биться головой в ее живот, что мать усовестилась, спустилась вниз и попросила дозволенной [пищи].

А начало его духовного пути было таким: однажды Суфйан по беспечности ступил в мечеть левой ногой. Он услышал голос: «О бык! Не ходи по-бычьи!» Потому его и прозвали Саури[11]. Услышав этот голос, он лишился чувств. Когда снова пришел в себя, он схватил свою бороду и стал бить себя ею по лицу. Он говорил: «Если не ступаешь ногой в мечеть согласно правилам вежества, твое имя сотрут из свитка человечества. Следи, как ты ступаешь!»

Рассказывают, что однажды он ступил ногой на чье-то поле. Раздался голос: «О бык!» — Смотри, каково попечение [Божие] (*‘ināyat*) о тех, кто не может сделать и шага наперекор сунне![12] Если во внешнем они таковы, кто может сказать об их внутреннем?! — Двадцать лет подряд Саури ни одной ночи не спал.

Рассказывают, что он сказал: «Ни разу не слышал я хадис Пророка (*да благословит его Господь и приветствует!*) без того, чтобы осуществить его на деле». И говорил он: «О знатоки хадисов! Отдавайте *закят*[13] с хадисов!» Его спросили: «Какой *закят*?» Ответил: «Такой: из двухсот хадисов пять исполняйте на деле».

Рассказывают, что тогдашний халиф совершал намаз рядом с Суфйаном и во время намаза поглаживал свою бороду. Суфйан сказал: «Такой намаз — это не намаз, и этот намаз завтра [на поле] ‘Арасат[14] бросят тебе в лицо, как старое тряпье!» Халиф сказал: «Говори помягче!» Тот ответил: «Если я пропущу такую важную вещь, моя моча тут же станет кровью!» Халиф осерчал, приказал соорудить виселицу и повесить Суфйана, чтобы больше никто не смел дерзить. В день, когда

---

[9] Внешние науки — школьная наука фикха, хадисов, внутренние — мистические познания.

[10] Муджтахид — законовед, достигший высшей ступени в толковании религиозных законов, выносящий самостоятельные заключения по религиозно-правовым вопросам. Эсте‘лами называет его пятым после четырех суннитских имамов — основателей четырех основных суннитских толков (Абу Ханифы, Малика б. Анаса, Мухаммада Шафи‘и и Ахмада Ханбала) [‘Aṭṭār 2007: 771, примеч. Эсте‘лами].

[11] Имя Саури (букв. «бычий», «подобный быку») образовано от *ṣ̱awr* ‘бык’.

[12] Сунна (*sunna*) ‘обычай [посланника Бога]’ — устоявшаяся практика, основанная на рассказах о поступках, речениях и невысказанном одобрении Мухаммада, передаваемых устно его сподвижниками и в дальнейшем зафиксированных письменно в виде хадисов. В персидском языке используется также в значении «правильные, соответствующие сунне поступки», см. [ИЭС, ст. «ас-Сунна» (М. Б. Пиотровский)].

[13] *Закят* (*закат*) — налог в пользу нуждающихся мусульман. По толкованию мусульманских правоведов, «очищает» обладателя богатства, снимая с него грехи. С золота, серебра, драгоценных камней уплачивалась «пятина» (*хумс*) [ИЭС, ст. «Закат» (О. Г. Большаков)].

[14] ‘Арасат — поле, где по мусульманским эсхатологическим воззрениям в день последнего суда будут собраны все мусульмане.

воздвигали виселицу, Суфйан положил голову на колени одного великого мужа, а ноги — на колени Суфйана ʻУйайӣна[15] и заснул. Те двое великих узнали, что происходит, и сказали друг другу: «Скажем ему об этом». Суфйан проснулся и спросил: «Что такое?» Они рассказали ему [о виселице] и выказали большое огорчение. Суфйан сказал: «Я не держусь за жизнь, но нужно сделать должное в этом мире». Потом слезы потекли по его лицу, и он воскликнул: «Господи Боже! Схвати их, крепко сожми!» В это время халиф был на троне, и высшие сановники были при нем. Вдруг дворец сотрясся, и халиф со всеми сановниками провалился под землю. Те два великих мужа сказали: «Мы не видели, чтобы молитва выполнялась с такой точностью и с такой быстротой!» Суфйан ответил: «Да! В этом чертоге наша слава не посрамлена!»

Рассказывают, что новый халиф, который пришел после того, верил в Суфйана. Случилось, что Суфйан захворал. У халифа был врач-христианин, очень искусный. [Халиф] послал его к Суфйану, чтобы он его лечил. Когда [врач] увидел его урильник, сказал: «Это человек, у которого от страха перед Богом печень разорвалась на частицы и по чуть-чуть выходит из его мочевого пузыря. Та вера, которую исповедует такой человек, не может быть ложной верой». И он тут же принял мусульманство. Халиф сказал: «Я думал, что врач пойдет к постели больного, а послал больного к врачу».

Рассказывают, что у Суфйана еще в молодости согнулась спина. Ему сказали: «О имам мусульман! Тебе еще не пришло время для этого». Он не ответил, потому что при поминании Бога ему было не до людей. Но однажды они стали очень настаивать. Он сказал: «У меня был наставник, он был весьма велик, я от него учился. Когда его жизнь подошла к концу и корабль его жизни готов был погрузиться в пучину смерти, я сидел у его изголовья. Вдруг он открыл глаза и сказал мне: “О Суфйан! Видишь ли, что со мною делают? Пятьдесят лет я указывал людям верную дорогу и призывал к порогу Истинного! А теперь меня прогоняют и говорят: “Уходи, ты Нам не годишься!”». Говорят, что он сказал: «Я служил трем наставникам и изучал науки. Когда жизнь одного из них подошла к концу, он стал иудеем и в том и умер. Другой стал *магом*, другой — *христианином*[16]. От этого страха спина моя затряслась и раскололась».

Рассказывают, что некто прислал ему два кошеля золота и сказал: «Прими, потому что мой отец был твоим другом и имел совершенное усердие в дозволенном [деле], и я прислал тебе это из его наследия». Он отдал это своему сыну, отправил его и велел сказать: «Моя дружба с твоим отцом была ради Господа». Сын Суфйана рассказывал: «Когда я пришел, я сказал [отцу]: “О отец! Неужели у тебя каменное сердце! Ты видишь, что у меня семья и ничего нет. Тебе меня не жалко?” Суфйан ответил: “О сын! Тебе нужно, чтобы ты ел, а я продал бы дружбу с Господом за дружбу с миром и остался ни с чем в День воскресения мертвых!”[17]».

---

[15] Суфйан ʻУйайӣна — Абу Мухаммад Суфйан Куфи (725–813) — известный меккан-ский правовед и знаток хадисов.

[16] В оригинале использованы арабские обозначения зороастрийцев (*tamajjasa* ʻмаги’) и христиан (*tanaṣṣara*).

[17] Перевод по разночтению, приведенному в сноске Эстеʻлами: *tu-rā mībāyad ki bixʷarī, va man dūstī-yi xudā ba dūstī-yi dunyā* ***bi****furūšam va ba qīyāmat dar-mānam*. В основном тексте вместо ***bi****furūšam* (продам, продал бы) дан вариант ***na****furūšam* (не продам, не продал бы), который отличается от первого лишь местом расположения одной точки. В [ʻAttār 2009: 257] выбран основной вариант.

Рассказывают, что некто прислал ему подарок, а он не принял. [Тот] сказал: «Я никогда не учился у тебя хадисам». Суфйан сказал: «Твой брат учится. Боюсь, что из-за твоих денег мое сердце расположится к нему больше, чем к другим, а это будет пристрастием (*miyl*)». Он никогда ни у кого ничего не принимал. Говорил: «Если бы я знал, что не останусь ни с чем в том мире, принял бы». Однажды он с кем-то проходил мимо дверей роскошного дома. [Его спутник] посмотрел на эту дверь. Суфйан остановил его и сказал: «Если бы вы туда не смотрели, они не допускали бы таких излишеств. А если вы на них смотрите, вы становитесь соучастником в этих неправедных излишествах».

У него умер сосед, он присутствовал на молитве по нему. Люди говорили хорошо [о покойном], мол, он был хорошим человеком. [Суфйан] сказал: «Если бы я знал, что людям он нравится, никогда не пришел бы к его праху, потому что если человек не лицемер, он людям не нравится».

Обычно местом Суфйана была максура[18] мечети. Когда там поставили курильницу, [купленную] на пожертвование султана, он убежал оттуда, чтобы не слышать этого запаха. Больше он никогда там не садился.

Рассказывают, что однажды он надел одежду наизнанку. Ему сказали об этом, хотели, чтобы поправил. Он не стал поправлять. Сказал: «Я надел эту рубаху ради Господа (*велик Он и славен!*) и не буду переодевать ее ради людей». И так и остался.

Рассказывают, что один юноша пропустил время хаджа. Он вздохнул. Суфйан сказал: «Я совершил четыре хаджа. Отдаю их тебе, ты отдашь мне этот вздох?» Тот сказал: «Отдам». Той ночью он увидел во сне, что ему говорят: «Ты получил такую прибыль, что если бы ты разделил ее между всеми людьми долины ʻАрафат[19], они бы все разбогатели».

Рассказывают, что однажды он пошел в баню. Туда вошел красивый безбородый юноша. [Суфйан] сказал: «Прогоните его, потому что при каждой женщине — по одному диву, который приукрашает ее в глазах мужчин, а при каждом безбородом — по восемнадцать дивов».

Рассказывают, что однажды он ел хлеб, а там была собака. Он кормил ее. Его спросили: «Почему ты не ешь с женой и детьми?» Он отвечал: «Если я кормлю собаку, она до утра будет меня сторожить, чтобы я творил молитву. Если я буду кормить жену и детей, они меня будут удерживать от служения».

Однажды он сказал ученикам: «Хорошая еда или плохая — она от губ проходит в горло и всё. Хорошая или плохая, потерпите, пока хорошая и плохая не станут для вас одинаковыми. Без того, что так быстро проходит, можно и потерпеть». О его почтении к дервишам рассказывают, что в его собрании дервиши были как повелители.

Рассказывают, что один раз он в паланкине ехал в Мекку. С ним был его друг, а он всю дорогу плакал. Друг спросил: «Ты плачешь из-за страха за [свои] грехи?» Суфйан протянул руку, подобрал соломинку и сказал: «Грехи пусть и велики, но мои грехи и меры этой соломинки не достигают. Я плачу оттого, что эта вера, которую я везу с собой, — она вера или нет?» Сказал: «Другие заняты поклонением, их мудрость приносит плод». Сказал: «В плаче десять частей. Девять из них — лицемерие, а одна — ради Господа. Если в год хоть одна капля прольется из глаз, это будет много».

---

[18] Максура (букв. «отгороженная») — павильон с резной деревянной решеткой или просто отгороженное решеткой место в центральной мечети города рядом с михрабом (нишей в стене, обращенной в сторону Мекки) и минбаром (трибуной для проповедника, расположенной справа от михраба), предназначенное для халифа, правителя или иных высокопоставленных лиц [ИЭС, ст. «Максура» (О. Г. Большаков)].

[19] ʻАрафат — долина в 20 км от Мекки, где проводится главный обряд хаджа — предстояние «перед ликом Аллаха» [ИЭС, ст. «ʻАрафат» (Д. В. Ермаков)].

Сказал: «Если где-нибудь будет сидеть много народу и кто-нибудь возгласит: “Кто знает, что проживет сегодняшний день до вечера, встаньте!”, ни один не встанет. [Но] вот что удивительно: если — при том, что всем нам предстоит [смерть], — всем этим людям скажут: “Кто готов к смерти, встаньте!”, ни один не сможет встать». Сказал: «Воздержание от дела труднее, чем само дело. Часто бывает, что человек делает благие дела до тех пор, пока его не запишут в диван гласности. А после он так этим делом гордится и столько о нем говорит, что это запишут в диван лицемерия».

Сказал: «Если дервиш толчется вокруг богатого, знай, что он — лицемер, а если он толчется вокруг султана, знай, что он — вор». Отрекшийся от мира (*zāhid*) — это тот, кто в мире сем на деле осуществляет свое отречение, а притворно отрекшийся — это тот, кто отрекается от мира только языком. Сказал: «Отречься от мира — это не носить дерюгу и есть ячменный хлеб, но не привязывать к миру свое сердце и сдерживать свои желания». Сказал: «Если ты идешь к Истинному с множеством грехов, то грех, что меж тобой и Богом, легче, чем грех между тобой и Его рабами». Сказал: «*Сейчас время молчать и быть в удалении*».

Некто сказал: «Если кто живет отшельником, трудясь для пропитания (*dar kasb kardan*), что ты о нем скажешь?» [Суфйан] ответил: «Побойся Бога! Я не видел ни одного богобоязненного человека, который испытывал бы нужду в пропитании!» Сказал: «Я не видел ничего лучше для человека, чем щель, в которую он может забраться и стать [для всех] невидимым. Наши предшественники гнушались надевать одежду, привлекающую внимание ветхостью или новизной. Нужно, чтоб о ней не говорили. Это — *воздержание от двух* [*видов*] *похвальбы*». Сказал: «Не знаю для современных людей ничего спасительнее сна». Сказал: «Лучший султан — это тот, который проводит время с людьми учеными и постигает от них науку. Худший из ученых — тот, кто проводит время с султанами». Сказал: «Первый вид служения Богу — уединение, затем — стремление к знанию, затем — применение знания, затем — его распространение».

Сказал: «Никогда не принимал я кого-либо, пока не слышал от него хотя бы одно слово мудрости». Сказал: «Знай, что этот мир — для тела, а будущий мир — для сердца». Сказал: «Если бы грех издавал зловоние, никто не был бы избавлен от этого зловония». Сказал: «Всякий, кто приписывает себе превосходство перед другими, — гордец». Сказал: «Самые драгоценные из людей — пятеро: ученый, отрекшийся от мира (*zāhid*), законовед-суфий, смиренный богач, благодарный бедняк и потомок Пророка, следующий его обычаю[20]». Сказал: «Тот, кто молится без смирения, молится неправильно». Сказал: «Кто дает милостыню и делает добрые дела от недозволенного [дохода], подобен тому, кто стирает грязную одежду в крови или моче, и одежда становится еще грязнее». Сказал: «Довольство — это с благодарностью принимать предопределенное». Сказал: «Добрый нрав смягчает гнев Господа (*велик Он и славен!*)». Сказал: «Несомненно, ты не должен винить Господа, что́ бы тебя ни постигло».

Сказал: «Хвала тому Господу, который убивает нас и отбирает наше имущество, и мы любим Его еще больше». Сказал: «Кого любит, с тем не станет враждовать». Сказал: «Дышать во время созерцания (*mušāhada*) — запретно[21], и во время

[20] Потомок Пророка, следующий его обычаю (*šarīf-i sunnī*), — перевод по комментарию Эсте‘лами [‘Aṭṭār 2007: 774]. Возможен и перевод слова *šarīf* как «благородный», см.: [ИЭС, ст. «Шариф» (Е. А. Резван)].

[21] О сдерживании дыхания при молитве и о связи дыхания с молитвенной практикой суфия см.: [Шиммель 2012: 179–180].

снятия завесы[22] — запретно, и во время ви́дения воочию (*mu'āīna*) — запретно, а когда в голове или сердце появляется преходящая мысль (*xaṭarāt*) — дозволено». Сказал: «Если кто-нибудь тебе скажет: "*Ты хороший человек!*", и тебе это будет приятнее, чем если скажут: "*Ты плохой человек!*", знай, что ты еще плохой человек!» Его спросили об уверенности (*yaqīn*). Он сказал: «Это действие в сердце. Всякий раз, когда уверенность правильная, познание становится прочным, и уверенность — это когда что́ бы тебе ни пришло, ты знаешь, что это пришло от Истинного. Или если ты таков, что [Его] обещание для тебя очевидно и даже больше чем очевидно» — то есть присутствует, и более этого. Его спросили: «Предводитель[23] (*благословение ему, и мир, и приветствие!*) изволил сказать: "Семьи, где едят много мяса, враждебны Господу (*возвышен Он!*)"». Он сказал: Люди, которые поносят других, едят плоть мусульман[24].

Рассказывают, что он сказал Хатиму Асамму[25]: «Скажу тебе о четырех вещах, которые бывают от невежества: первое — осуждать людей, что бывает, когда не думают о предопределении (*qażā*), а не думать о предопределении — неверие; второе — завидовать брату мусульманину, это бывает, когда не думают о судьбе (*qismat*), а не думать о судьбе бывает от неверия; третье — собирать запретное имущество и сомнительное имущество — это происходит, когда не думают об ответе в День воскресения, а не думают об ответе в День воскресения — от неверия. Четвертое — [считать себя] в безопасности от обещаний Истинного, не верить в обещания Истинного и не думать об обещаниях Истинного. Всё это — неверие».

Рассказывают, что когда один из его учеников отправлялся в путь, Суфйан говорил: «Если где-нибудь увидите смерть, купите для меня». Когда подошла его смерть, он заплакал и сказал: «Я так желал смерти, [а] теперь она тяжела. Если бы все путешествия были такими, чтобы прямо идти с посохом и бурдюком[26]! *Но идти к Господу трудно*» — {Приближаться к Господу (*велик Он и славен!*) нелегко}[27]. И всякий раз, когда он слышал о смерти и ее власти, он несколько дней был сам не свой и каждому, кто приходил к нему, говорил: «*Готовься к смерти, пока она не пришла*» — {Приготовься к смерти, пока она не схватила тебя внезапно}. И тогда его друзья говорили: «Да будет тебе радостен рай!» А он качал головой и отвечал: «Что вы говорите?! Разве будет мне когда-нибудь рай, разве рай дают таким, как я?!»

В Басре он заболел, а эмир Басры хотел назначить его правителем и послал за ним. Он был на конюшне, у него болел живот, но он ни на минуту не оставлял служения [Богу]. В ту ночь подсчитали, что он шестьдесят раз мыл руки, совер-

[22] Снятие завесы, или раскрытие (*mukāšafa*), — озарение, или созерцание, которое даруется мистику по вышней воле без приложения им усилий.

[23] Предводитель — здесь: пророк Мухаммад.

[24] Аллюзия к Корану: «И не выслеживайте, и пусть одни из вас не поносят за глаза других. Разве пожелает кто-нибудь из вас есть мясо своего брата, когда он умер?» (Коран 49: 12).

[25] Хатим Асамм (*Ḥātim Aṣamm*, ум. в 237/852), хорасанский ученик Шакика Балхи, распространитель и проповедник его духовного наследия; именуется в источниках «аскетом», «ученым» и «мудрецом [Кныш 2004: 41]. В «Поминании друзей Божиих» ему посвящена глава 27 ['Aṭṭār 2007: 255–262].

[26] Бурдюк — в оригинале *rikva* (в другом значении — 'кувшин').

[27] В фигурные скобки заключены фрагменты текста, которые отмечены издателем текста Эсте'лами как отсутствующие в рукописи 692 г. х./1293, послужившей основой издания, и добавленные им по рукописи Тегеранской Национальной библиотеки 701 г. х./1302 и Лейденской рукописи.

шал омовение и начинал молитву — и тут снова приступала нужда. Ему сказали: «Ну не делай больше омовение!» Он сказал: «Когда придет ʻАзраʼил[28], хочу быть чистым, а не скверным. Ведь нечистые не могут идти в присутствие [Господа]».

ʻАбд-Аллах Махди сказал: «Суфйан сказал: “Положи меня лицом на землю, потому что приблизилась моя смерть”. Я положил его лицом на землю и вышел, чтобы сообщить людям. Когда я пришел, все его сподвижники уже были там. Я спросил: “Кто вам сообщил?” Они сказали: “Мы услыхали во сне: придите к погребению Суфйана”».

Люди пришли, а ему стало уже совсем плохо. Он засунул руку под подушку и вытащил кошель с тысячью динаров и сказал: «Раздайте милостыню». Они сказали: «Хвала Богу! Суфйан всегда говорил: “Не надо принимать [ничего] у этого мира”, а у него вон сколько золота!» Суфйан сказал: «Оно было стражем моей веры. Я мог хранить себя с его помощью, ведь Иблису не было надо мной власти по той причине, что если он говорил: “Что ты сегодня будешь есть и во что оденешься?”, я отвечал: “Вот золото!” И если он говорил: “У тебя нет савана!”, я отвечал: “Вот золото!” И все его искушения я отражал, хоть у меня и не было в нем (золоте) нужды».

Говорят, кто-то в Бухаре оставил ему завещание. Он умер, и бухарские улемы сохранили это наследство. Суфйана известили об этом, и он отправился в Бухару. Жители Бухары вышли ему навстречу к берегу реки и с великим почетом сопроводили до города. Суфйану было восемнадцать лет, [когда] они дали ему золото. Он хранил его, чтобы не нужно было никого ни о чем просить. Когда он уверился, что умрет, отдал его на милостыню.

В ночь, когда он умер, люди услышали голос: «*Умерла осмотрительность! Умерла осмотрительность!*» А потом его кто-то увидел во сне [и] спросил: «Как ты вытерпел дикость и тьму могилы?» Он сказал: «Моя могила — луг среди райских лугов». Другой увидел его во сне [и] спросил: «Как поступил с тобой Господь (*возвышен Он!*)?» Он ответил: «Одной ногой я шагнул на [мост] Сират[29], другой — в рай». И другой увидел его во сне и рассказал: «В раю он перелетал с дерева на дерево. Его спросили: “Чем ты это обрел?” Он ответил: “Осмотрительностью”».

Рассказывают, что из сострадания к творениям Божиим он однажды увидел на базаре маленькую птичку в клетке, которая горестно взывала и билась. Он ее купил и выпустил. Эта птичка каждую ночь прилетала к дому Суфйана. Суфйан всю ночь молился, а птичка смотрела на него и иногда на него садилась. Когда Суфйана положили в землю, птичка билась о его могилу и кричала. Люди вздыхали и плакали. Когда его погребли, птичка билась о землю, пока из могилы не раздался голос: «Господь (*возвышен Он!*) помиловал Суфйана за сострадание к Его творениям». Птичка тоже умерла и ушла к Суфйану.

---

[28] ʻАзраʻил — ангел смерти.

[29] Сират в мусульманской эсхатологии — мост «тоньше волоса и острее меча», по которому проходят умершие. Праведники проходят по этому мосту с быстротой молнии, а грешники сваливаются с него в ад [ИЭС, ст. «Сират» (С. М. Прозоров)].

Поминание Абу ʻАли Шакика (*да пребудет с ним милость Божия!*)[30]

Тот уповающий из благочестивых[31], тот овладевший [познанием] тайн, тот столп почитаемый, та кибла[32] величавая, тот всадник-охранитель людей тариката, Шакик Балхи (*да пребудет с ним милость Божия!*) был уникальным в своем времени и шейхом [своей] эпохи, твердо шагал путем отрешения от мира (*zuhd*) и служения [Богу] (*ʻibādat*), всю жизнь шел в уповании [на Бога] и был совершенным во всех видах наук, написал много сочинений по [разным] тонкостях наук. Он был учителем Хатима Асамма, а тарикат принял от Ибрахима Адхама[33]; имел общение со многими шейхами. Сказал: «Я был в ученичестве у тысячи семисот наставников, приобрел несколько верблюжьих грузов книг и понял, что путь Божий — в четырех вещах: [это], во-первых, не тревожиться о хлебе насущном (*rūzī*), во-вторых — искренность в трудах, в-третьих — вражда к шайтану, в-четвертых — подготовка к смерти».

А причиной его покаяния было вот что: он поехал в Туркестан по торговым делам и там пошел посмотреть на храм идолопоклонников. Он увидел идолопоклонника, который поклонялся идолу и жалостно стенал. Шакик сказал: «У тебя есть Создатель, живой, знающий и сильный. Ему и поклоняйся, постыдись, не поклоняйся идолу, ведь от него ничего не происходит!» Тот сказал: «Если это так, как ты говоришь, разве он не силен давать тебе насущный хлеб в твоем городе, чтобы тебе не приходилось приезжать сюда?» Эти слова пробудили Шакика, и он направился в Балх. По дороге с ним шел гебр[34]. Он спросил Шакика: «Какое у тебя дело?» Шакик ответил: «Торговля». Тот сказал: «Если ты идешь за пропитанием (*rūzī*), которое тебе не определили (*taqdīr*), то иди хоть до Последнего дня, оно тебе не достанется, а если ты идешь за тем, что тебе определили, — не иди, потому что оно само тебя настигнет».

Так он пришел в Балх. Вокруг него собрался круг друзей, потому что он был весьма благороден (*javānmard*). Эмиром Балха был ʻАли ибн ʻИса ибн Махан. У него были охотничьи собаки, и одна собака пропала. Схватили соседа Шакика: дескать, ты взял! — и стали его бить. Он бросился за защитой к Шакику. Шакик пошел к эмиру и сказал: «Через три дня я верну тебе собаку. Отпусти его». Эмир его отпустил. А через три дня кто-то нашел эту собаку и подумал, что надо ее отвести к Шакику — мол, он благороден и что-нибудь мне даст. Он привел ее к Шакику, а Шакик отвел ее к эмиру и полностью отказался от мира.

Рассказывают, что в Балхе был сильный голод, так что люди ели друг друга. На базаре [Шакик] увидел юношу, который радовался и смеялся. Он сказал: «О юноша! Разве время сейчас для радости и веселья? Не видишь, каково людям от голода?» Юноша сказал: «Чего мне бояться? Я раб человека, у которого есть соб-

---

[30] Перевод по [ʻAṭṭār 2007: 201–207].

[31] Благочестивые — так переводится слово *abrār*. Терминологически это семеро «благочестивых», входящих в иерархию совершенных мистиков и занимающих в ней третье место по степени приближенности к высшему духовному авторитету — «полюсу», или «оси» (*кутб*), см.: [Шиммель 2012: 206]. Подробно эта иерархия описана в трактате Худжвири «Раскрытие скрытого» (XI в.).

[32] Кибла — направление на Мекку, куда должны быть обращены лица мусульман во время молитвы.

[33] Ибрахим Адхам (*Ibrāhīm Adham*, ум. 777 или ок. 790) — один из наиболее чтимых ранних суфийских аскетов и мистиков, ставший для последующих поколений суфиев образцом «отрешения от мира» (*zuhd*). Ибрахиму Адхаму посвящена глава 11 в «Поминании друзей Божиих» ʻАттара [ʻAṭṭār 2007: 87–109].

[34] Гебр (*gabr*) — зороастриец, в общем значении — немусульманин.

ственная деревня, и у него много зерна. Он не оставит меня голодным». Шакик обомлел. Он сказал: «Боже! Этот юноша так радуется господину, у которого есть один амбар! Ты — царь царей и принял на себя заботу о нашем пропитании. Что же мы тревожимся?!» Он сразу же отвратился от мирских занятий, принес нерушимый обет покаяния, вступил на путь Истины и достиг предела совершенства в уповании. Он постоянно говорил: «Я ученик одного юноши».

Рассказывают, что Хатим Асамм сказал: «Я пошел с Шакиком на священную войну. Был трудный день, шло сражение, такое, что кроме наконечников копий ничего не было видно, в воздухе летали стрелы. Шакик сказал мне: "О Хатим! Каким ты чувствуешь себя? Наверное, тебе кажется, что это — вчерашняя ночь, когда ты лежал со своей женой в постели!" Я сказал: "Нет". Он сказал: "Ей-богу, я себя чувствую так же, как ты вчера, когда был с женой в постели". Потом настала ночь, и он улегся между двумя рядами, подложил под голову хирку[35] и заснул, и такую надежду он имел на Истинного, что так и остался спать посреди стольких врагов.

Рассказывают, что однажды он говорил проповедь. Из города раздался крик: «Неверные пришли!» Шейх выбежал оттуда, прогнал неверных и вернулся. Кто-то из муридов[36] положил перед его ковриком несколько роз. Шейх стал нюхать их. Один невежда увидел это [и] сказал: «[Вражеское] войско в городе, а имам мусульман нюхает розы!» Шейх сказал: «Лицемеры[37] видят, как нюхают розы. А разбитое войско нисколько не видят».

Рассказывают, что однажды он шел куда-то. Кто-то из посторонних[38] увидел его [и] сказал: «О Шакик! Не стыдно тебе претендовать на избранность и говорить такие слова? Из этих слов получается, что всякий, кто Ему поклоняется и полагается на Него ради хлеба насущного, поклоняется дарам». Шакик сказал своим друзьям: «Запишите слова, которые он говорит». Тот сказал: «Такой человек, как ты, записывает слова такого, как я?!» [Шакик] ответил: «Да. Когда мы находим жемчужину, то пусть она и упала в отхожее место, поднимаем и очищаем». Тот чужак сказал: «Дай мне ислам[39], ибо твоя религия — религия смирения и приятия Истины». [Шакик] сказал: «Да, Пророк (*да благословит его Бог и приветствует!*) изволил сказать: "*Мудрость — предмет стремлений верующего, проси ее, даже если она у неверного*"».

---

[35] Хирка — суфийское рубище.

[36] Мурид (*murīd*, букв. «ищущий») — суфий-ученик.

[37] Слово «лицемер» (*munāfiq*) 43 раза встречается в Коране; «Лицемеры» — название 63-й суры Корана. Хасан Басри (642–728), знаменитый аскет и проповедник (см. главу 3 «Поминания друзей Божиих» [ʻAṭṭār 2007: 26–41]), называл «поглощенного мирскими заботами человека, которого мало волновали дела веры и который не задумывался над своими грехами, ‹…› лицемером, т. е. человеком, пребывающим в состоянии между верой и неверием» [Кныш 2004: 17].

[38] См. следующее примечание.

[39] «Дай мне ислам» — *islām ʻarẓa kun*. Понимание выражения ʻ*arẓa kardan* зависит от толкования слова *bīgāna* 'посторонний', которое здесь можно понимать двояко. Если, как считает Эстеʻлами [ʻAṭṭār 2007: 775, примеч. Эстеʻлами к с. 203], имеется в виду «простой» человек, не причастный к суфизму, в отличие от «избранных», к которым принадлежал Шакик, то он просит растолковать ему подлинный ислам. Если же понимать *bīgāna* как «иноверец», «немусульманин», то он просит Шакика о принятии его в ислам. В таком значении это выражение встречается неоднократно, например, в поминании Ахмада Хазруййа [ʻAṭṭār 2007: 307] и в рассказе о шейхе Санʻане в маснави «Разговоры птиц» [ʻAṭṭār 1998: 112].

Рассказывают, что однажды Шакик говорил проповедь в Самарканде. Он повернулся к народу и сказал: «О народ! Если ты мертвец на кладбище, или ребенок в школе, и если ты безумец в сумасшедшем доме, и если ты неверный в стране неверных, и если ты раб — ты должен будешь отдать долг покорности [Богу], о поклоняющиеся твари!»

Некто сказал ему: «Люди осуждают тебя и говорят: “Он питается от чужих трудов”. Приди, я положу тебе постоянную помощь». Тот сказал: «Если бы у тебя не было пяти изъянов, я так бы и сделал: во-первых, твое богатство уменьшится; во-вторых, тебя может обокрасть вор; в-третьих, а вдруг ты пожалеешь об этом; в-четвертых, ты можешь увидеть во мне какой-то недостаток и отнять у меня свою помощь; в-пятых, ты можешь умереть, и я лишусь помощи. Но у меня есть господин, который свободен и чист от этих изъянов».

Рассказывают, что некто пришел к нему и сказал: «Хочу пойти в хадж». Шакик сказал: «Каков твой дорожный припас?» Тот ответил: «Четыре вещи: одно — что не считаю никакого человека более близким к своему дневному пропитанию, чем я сам, и [второе] — не считаю никого более далеким от своего дневного пропитания, чем иные, чем он сам, и [третье] — вижу, как промысл Божий (*qaẓā*) со мною идет, где бы я ни был, и [четвертое] — в каких бы я ни был обстоятельствах, знаю, что Господь (*велик Он и славен!*) более знающ о моих обстоятельствах, чем я». Шакик сказал: «Молодец! У тебя хороший дорожный припас. Да будет тебе благословение!»

Рассказывают, что когда Шакик захотел пойти к Ка‘бе и прибыл в Багдад, его позвал к себе Харун ар-Рашид. Когда Шакик пришел к Харуну, Харун спросил его: «Ты ли Шакик-аскет?» Тот ответил: «Я Шакик, но я не аскет». Харун сказал: «Дай мне наставление». Сказал: «Берегись, ведь Истинный (*возвышен Он!*) посадил тебя на место Правдивейшего[40] и так же хочет от тебя правдивости, как от него. Посадил на место Различающего и хочет, чтобы ты различал между истиной и ложью, так же как [хотел] от него. И посадил тебя на место Обладателя двух светов, [и] хочет от тебя скромности (*ḥayā*) и щедрости (karam) так же, как от него. И посадил тебя на место Избранника и хочет от тебя знания и справедливости, как он него». [Харун] сказал: «Прибавь еще». — «У Господа есть дом, который называют ад. Он сделал тебя привратником этого дома, дал тебе три вещи: деньги, меч и плеть — и сказал, чтобы ты этим тремя вещами удерживал людей от ада: нуждающемуся, который придет к тебе, не жалей денег, а того, кто противится велению Бога, поучи этой плетью, а тому, кто убьет кого-нибудь, воздай этим мечом по указанию его родных. А если ты не будешь так делать, то станешь предводителем людей ада». Харун сказал: «Прибавь еще». [Шакик] сказал: «Ты — источник, а твои правители — ручьи. Если источник светел, тьма не навредит ручьям. Но если источник темен, нет никакой надежды на светлость ручья». [Харун] сказал: «Прибавь еще». [Шакик] сказал: «Если на тебя нападет жажда в пустыне, так что ты будешь близок к гибели, и в этот час ты найдешь воду для питья, за сколько ты ее купишь?» [Харун] ответил: «За сколько скажут». Тот сказал: «А если не продадут меньше чем за половину твоих владений?» [Харун] ответил: «Отдам». Тот сказал:

[40] Обыгрываются буквальные значения прозваний четырех «праведных халифов», преемников пророка Мухаммада: «Правдивейший» (*ṣiddīq*) — Абу Бакр (ок. 572–634); Различающий [добро и зло] (*fārūq*) — ‘Умар (Омар) ибн ал-Хаттаб (ок. 585–644), Обладатель двух светов (*ẕū-n-nūrayn*) — ‘Усман (Осман) б. ‘Аффан (ок. 575–656), называемый так потому, что был женат на двух дочерях Мухамада; Избранник (*murtażā*) — ‘Али б. Абӣ Ṭālиб 656–661).

«Если ты выпьешь эту воду, а она не выйдет из тебя, так что будет угроза гибели, и кто-то скажет: “Я тебя вылечу, но возьму за это половину твоих владений”, что ты сделаешь?» Сказал: «Отдам». [Шакик] сказал: «Так что ты кичишься владением, которому цена — стакан воды, которую ты выпьешь, а она уйдет из тебя?» Харун заплакал и отпустил его с великим почетом.

Потом Шакик пошел в Мекку, и к нему туда собрались люди. Он сказал: «Искать здесь дневного пропитания — невежество, а работать ради пропитания — запретно». Ему повстречался Ибрахим Адхам. Шакик сказал: «О Ибрахим! Как ты поступаешь в вопросах пищи?» Тот ответил: «Если что-то достается, благодарю, а если не приходит — терплю». Шакик сказал: «Собаки в Балхе делают то же самое: если найдут, ластятся и машут хвостом, а не найдут — терпят». Ибрахим сказал: «Ну а вы что делаете?» Ответил: «Если нам что-то достается — жертвуем, а если не достается — благодарим». Ибрахим встал, поцеловал его в голову и *сказал:* «*Вот это наставник, ей-богу!*»

Когда он вернулся из Мекки в Багдад, он как-то раз проповедовал в собрании [суфиев] и больше всего говорил об уповании на Бога. В ходе беседы он сказал: «Я пошел через пустыню. В моем кошеле[41] было четыре серебряных монетки[42], и до сих пор они у меня с собой». Какой-то юноша поднялся и сказал: «Там, где ты держал в кошеле четыре монетки, не присутствовал ли Господь (*велик Он и славен!*)?! И в тот миг была ли [у тебя] надежда на Господа (*велик Он и славен!*)?!» Шакик пришел в волнение, признал правоту [юноши], сказал: «Верно говоришь», — и сошел с кафедры.

Рассказывают, что однажды к нему пришел старик и сказал: «Я много грешил и хочу покаяться». [Шакик] сказал: «Поздно пришел». Старик ответил: «Быстро пришел». Тот спросил: «Как это?» [Старик] ответил: «Кто пришел прежде смерти, пришел быстро». Шакик ответил: «Хорошо пришел, хорошо сказал».

Он сказал: «Я видел во сне, что мне сказали: “Кто надежду на хлеб насущный возлагает на Бога, у того улучшается нрав, и он становится щедрым, и в послушании (*ṭā‘at*) у него не бывает искушений”». Сказал: «Основа послушания — страх, надежда (*rajā‘*) и любовь (*maḥabbat*)». Сказал: «Признак (*‘alāmat*) страха — отказ от близких (*maḥāram*), а признак надежды — постоянное послушание, а признак любви — томление (*šawk*) и обращение (*‘inabāt*) от небрежения Богом (*ġaflat*) к памятованию Бога (*zikr*)». Сказал: «Тот, у кого нет вот таких трех вещей, не обретет спасения от ада: [это] безопасность (*amn*), страх и необходимость (*iżṭirār*)». Сказал: «Раб, имеющий страх, это тот, у кого есть страх из-за прошедшей жизни, мол, как она прошла? И страх из-за того, что он не знает, что будет после этого».

Сказал: «Поклонение (*‘ibādat*) состоит из десяти частей: девять из них — бежать от людей, и одна — молчание. Гибель человека в трех вещах: грешить в надежде на покаяние, не раскаиваться в надежде на [долгую] жизнь, не раскаиваться в надежде на милосердие — такой человек никогда не покается». Сказал: «Господь (*возвышен Он!*) людей, послушных ему, делает живыми в смерти, а людей грешных делает мертвыми при жизни».

Сказал: «Три вещи сопровождают нищих: освобождение сердца, легкость расчета и успокоенность души. И три вещи сопутствуют богатым: заботы плоти,

---

[41] Имеется в виду *jayb-i ġarībān* — мешочек для хранения монет, который пришивался к одежде изнутри за пазухой.

[42] Четыре монетки (*dang*) — 1/6 дирхама, приблизительно 0,4 г.

занятость сердца и суровость расчета»[43]. Сказал: «Надо быть готовым к смерти, потому что когда смерть придет, обратно уже не уйдет». Сказал: «Когда ты кому-либо что-то даешь, то если ты его любишь больше, чем если бы это он тебе что-то дал, — тогда ты друг будущей жизни, а если нет — ты друг мира сего». Сказал: «Я ничего на свете не люблю больше, чем гостя, потому что и хлеб насущный, и пропитание и награда — его по праву, а я во всем этом — никто, а мне — и плата, и награда». Сказал: «Тот, кто после благополучия впал в тяготы и эти тяготы больше, чем былое богатство, тот получил две радости: одну в мире сем, другую — в будущем».

Его спросили: «Как узнать, что раб тверд в Господе (*возвышен Он!*) и надежда его — на Господа?» Сказал: «По тому, что если у него в мире сем что-то пропадет, он считает это приобретением». Сказал: «Если хочешь узнать человека, посмотри — он больше доверяет обещаниям Господа или обещаниям людей?» Сказал: «По трем вещам можно распознать богобоязненность (*ṭaqvā*): что́ посылается, что́ отвергается, и что́ говорится. Что́ ты послал — это вера», — то есть в иной мир[44] ты посылаешь веру, «что́ ты отвергаешь — это мир сей» — то есть, когда тебе что-то дают, а ты это не принимаешь, потому что оно принадлежит миру сему, — «а что́ говорится — это и в вере, и в мире сем» — то есть слова могут быть из обеих областей, бывают слова веры и бывают слова мира сего. А другой смысл этого [речения] таков: то, что́ ты послал [в иной мир] — это вера, то есть выполнение велений; отвергать мир сей — это значит удаляться от запретного, а то, что́ говорится, относится и к той и другой области: по речам можно узнать, в вере человек или в мире сем.

Сказал: «Я спрашивал семьсот ученых о пяти вещах: кто мудр? и [кто] богат? кто умен? кто беден? кто скуп? И все семьсот дали мне один ответ: мудрый — тот, кто не дружит с миром. Умный — тот, кого мир не обманет, богатый — тот, кто доволен судьбой [данной] от Бога (*велик Он и славен!*), бедный — тот, у кого в сердце нет требования увеличения, скупой — тот, кто свой долг Господу удерживает от творений Божиих».

Хатим Асамм сказал: «Я попросил его дать мне полезное наставление. Он сказал: “Если ты хочешь наставления общего, то храни язык и никогда не говори слов, если не видишь ответа на эти слова на своих весах. А если хочешь наставления для избранных, смотри, не говори слов кроме тех случаев, когда ты знаешь, что если не скажешь — сгоришь”».

Литература

ИЭС — Ислам: Энцикл. словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991.

Кныш 2004 — *Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб.: Диля, 2004.

Коран 1986 — Коран / Пер. с араб. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1986.

Лахути 2015 — *Лахути Л. Г.* Шакик Балхи и учение о *тавакку́л* (уповании на Бога): репрезентация в доктрине и житиях от Ас-Сулами до ʻАттара // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 3. С. 103–113.

[43] Имеется в виду «освобождение сердца» от мирских забот, которому противопоставляется «занятость сердца» делами мира сего; под «расчетом» подразумевается расчет на Суде в день воскресения мертвых. Сопоставлению двух путей — нищеты и достатка — посвящены многие высказывания суфийских авторов, см., например: [Худжвири 2004: 21–30]. По учению суфиев, избравший нищету (*faqr*) полностью отказывается от земных благ, не имеет и не желает ничего, кроме Бога.

[44] В иной мир — в оригинале букв. «туда» (*ānjā*).

Насыров 2009 — *Насыров И. Р.* Основания исламского мистицизма (Генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009.

Худжвири 2004 — *Аль-Худжвири.* Раскрытие скрытого. Старейший персидский трактат по суфизму / Пер. А. Орлова, с англ. пер. Р. Николсона; Науч. ред. рус. пер. Н. И. Пригарина. М.: Единство, 2004.

Шиммель 2012 — *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. А. С. Рапопорт и Н. И. Пригариной. М.: Садра. 2012.

ʻAṭṭār 1998 — *ʻAṭṭar Farīd al-Dīn*. Manṭiq at-ṭayr / Taṣḥīḥ va šarḥ: Kāžim Dizfulian. Tihrān: Tilāyia, 1378/1998.

ʻAṭṭār 2007 — *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ʻAṭṭār Nišābūrī.* Taẕkiratu-l-awliyā' / Barrasī, taṣḥīḥ-i matn, tawżīḥāt va fahāris: duktur Muḥammad Istiʻlāmī. 16th ed. Tehran: Zavvar, 1386/2007.

ʻAttār 2009 — Farid ad-Din ʻAttār's Memorial of God's friends: Lives and sayings of Sufis / Transl. and intr. by P. E. Losensky. New York; Mahwah: Paulist Press (The Classics of Western Spirituality Series).

EI² — The Encyclopaedia of Islam. New ed.: 13 vols. Leiden: E. J. Brill, 1986–2005.

Scrupulousness and trust in God: Sufyan Sawri, the legal scholar, and Shaqiq Balkhi, the Sufi warrior

Lahuti, Leili G.
Researcher, Laboratory of Oriental Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: lahuty@gmail.com

Abstract. The paper offers an annotated translation of two hagiographic narratives from Farid ad-Din ʻAttar's *Memorial of God's friends*, the XII–XIII century compendium depicting the multiple ways of approaching God. The protagonist of the first life, Sufyan Ṣawri, was the founder of the Ṣauriyya law school, a traditionalist, a translator of hadiths, and an interpreter of the Koran. His life narrative focuses on his signature virtue, the religious scrupulousness and delicacy of conscience, due to which, as his life states, he could enter paradise upon his death. In other lives in the same compendium, he is portrayed as diligently visiting and listening to famous mystics who bestow on him their spiritual lessons. The second life, of Shaqiq Balkhi, the celebrated ascetic and theoretician of Sufism, focuses on the virtue of absolute trust in God (*tavakkul*): Shaqiq sought to rigorously apply it to his own actions and was the first to create the theory of *tavakkul*. Shaqiq was a preacher and a versatile spiritual writer but, unlike Sawri, he was also an active participant in religious wars.

Keywords: Sufi hagiography, Farid ad-Din ʻAttar, Sufyan Sawri, Shaqiq Balkhi

References

Al'-Khudzhviri (2004). *Raskrytie skrytogo. Stareishii persidskii traktat po sufizmu* [The Revelation of the veiled. The oldest Persian treatise on Sufism, by Al-Hujwiri] (A. Orlov, Trans. from R. Nicholson's English translation, 1936). (N. I. Prigarina, Academic ed. of the Russian translation). Moscow: Edinstvo. (In Russian).

'Aṭṭar Farīd al-Dīn (1378/1998). *Manṭiq at-ṭayr* [Bird Parliament] (Kāżim Dizfulian, Compl. and comment.). Tihrān: Tilāyia. (In Persian).

'Aṭṭār Nišābūrī, Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad (1386/2007). *Tazkiratu-l-awliyā'* [Memorial of God's friends] (16th ed.) (Dr. M. Este'lami, Ed. of the text, Comment. and Indices). Tehran: Zavvar. (In Persian).

The Encyclopaedia of Islam (1985–2005) (New ed. Vols. 1–13). Leiden: E. J. Brill.

Knysh, A. D. (2004). *Musul'manskii mistitsizm: kratkaia istoriia* [Islamic mysticism: A short history]. Moscow; St. Petersburg: Dilia. (In Russian).

Koran (1986) [Quran] (2nd ed.) (I. Iu. Krachkovskii, Trans. from Arabic and comment.). Moscow: Nauka. (In Russian).

Lahuti, L. G. (2015). Shakik Balkhi i uchenie o *tavakkul* (upovanii na Boga): reprezentatsiia v doktrine i zhitiiakh ot As-Sulami do 'Attara [Shaqiq Balkhi and the concept of *tawakkul* (trust in God): representation in the doctrine and the hagiography from Al-Sulami to 'Attar]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]*, ser. "Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie"* [History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies], no. 3, 103–113. (In Russian).

Losensky, P. E. (Transl. and Intro.) (2009). *Farid ad-Din 'Attār's Memorial of God's friends: Lives and sayings of Sufis*. New York; Mahwah: Paulist Press. (The Classics of Western Spirituality Series).

Nasyrov, I. R. (2009). *Osnovaniia islamskogo mistitsizma (Genezis i evoliutsiia)* [Foundations of Islamic mysticism (Genesis and evolution)]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).

Shimmel', A. (2012). *Mir islamskogo mistitsizma* (Transl. by A. S. Rapoport and N. I. Prigarina from: Schimmel, A. (1975). *Mystical dimensions of Islam*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press). Moscow: Sadra. (In Russian).

Prozorov, S. M. (Compl. and Ed.) (1991). *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. An encyclopedic dictionary]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Lahuti, L. G. (2016). Scrupulousness and trust in God: Sufyan Sawri, the legal scholar, and Shaqiq Balkhi, the Sufi warrior. *Shagi / Steps, 2*(2–3), 229–244